

Тамара Попова

Насквозь

Петроградская сторона

Тамара Попова

Насквозь

«Геликон Плюс»

2016

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Попова Т.

Насквозь / Т. Попова — «Геликон Плюс»,
2016 — (Петроградская сторона)

ISBN 978-5-93682-535-4

В новую книгу петербургской поэтессы Тамары Поповой вошли избранные стихи, написанные за последние десять лет, а также новые, ранее нигде не опубликованные.

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-93682-535-4

© Попова Т., 2016
© Геликон Плюс, 2016

Содержание

I		6
	«Там ядовитая плесень на алтаре...»	6
	Ужин	8
	«Если у вас есть тайна – надо ее хранить...»	9
	«Мы созданы из вещества того же...»	10
	«Что делать? Майский вечер тих и светел...»	12
	Одноклассники	13
	«Если в бокале твоём вина...»	14
	«Оттого что нельзя о любви говорить в суе...»	15
	Надежда	16
	«Расстреляешь обойму – и станет светло и легко!...»	17
	N. N.	18
	«Ненависть разгорается жарче пламени...»	19
	«Такой закат, что хоть ори: „Горим!“...»	20
II		21
	«Вдохнешь – и запахнет паленым...»	21
	«О, зимний парк! Сугробы, кони, люди...»	23
	«Скоро пасха. Ну и холод!...»	24
	«На Пасху солнце. Променад...»	25
	«Объявилась весна. Тонкой трелью прочистила горло...»	26
	In modest harmony with nature	27
	«Милый, милый август! Хвойная настойка...»	28
	«И за окном, и в зеркале ноябрь...»	29
III		30
	Насквозь	30
	Леда и лебедь	32
	«Здесь нет зеркал, в их пустоте, проплыв, не отразится время...»	33
	ИВА	34
	«Все хороши – и овны, и козлища...»	35
	Конец ознакомительного фрагмента.	36

Тамара Попова

Насквозь

© Попова Т., текст, 2016

© «Геликон Плюс», макет, 2016

I

«Там ядовитая плесень на алтаре...»

Там ядовитая плесень на алтаре,
там паутиной затканы образа,
там ты торчишь, как пешка в чужой игре,

перед иконостасом (а кто там – за...).

Только подумаешь: «Черт меня побори!»
Вылезут мертвые руки и приберут...
Лучше не думай, а главное – не смотри.
Ты, брат, попал. Ты спалился, философ Брут.

Смрад запустенья, на стенах растут грибы,
ступишь неловко – хлюпанье, писк и хруст.
Это сильнее, чем летающие гробы,
не сомневайся – храм не бывает пуст.

Ужин

Он глядел, словно гладил, а я визави
изучала с прищуром, как сноску петитом.
Он облизывал губы в невинной крови,
непрожаренный ростбиф жуя с аппетитом.

Я бежала на встречу, как зверь на ловца,
предвкушая охоту, почуяв добычу,
чтоб весь вечер глядеть на него, наглеца —
как он пакостно чавкает, шею набычив.

Кто-то скажет: «Постой, где сюжетная нить?
Что за дичь ты несешь? Кто охотник, кто жертва?»
Да, все так... Но прошу вас меня извинить —
это жизнь, а она не имеет сюжета,

растекаясь, как постмодернистский роман,
заплетаясь причудливо, словно мицелий...
фокус-покус оптический – полный обман,
и приклад на плече, и объект на прицеле.

«Если у вас есть тайна – надо ее хранить...»

«Если у вас есть тайна – надо ее хранить,
если же нет – стоит ее придумать.
Но ненадежно зарытое станет гнить
и отравлять эфир, или, как в пруду муть,

с темного дна всплывет в неурочный час,
или как орган вырезанный заноеет...
Вот и выходит – если сокрыта часть,
значит, ущербно прочее-остальное.

Спрятанное – изъятое из бытия —
попросту кража... Но мне сие до лампады.
Сделаю, как решила!» – думала я
ночью на кладбище, с фонарем и лопатой.

Маленькой тайне в коробке из-под сапог
будет просторно, словно в гробу на вырост.
И никаких свидетелей. Только Бог
знает, что я натворила, но Он не выдаст.

«Мы созданы из вещества того же...»

*Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны.*

В. Шекспир, «Буря»

*Теперь ты понял, отчего мое
Не бьется сердце под твоей рукою.*

А. Ахматова, «Есть в близости людей заветная черта...»

Мы созданы из вещества того же,
что наши сны, и сном окружены
всю жизнь, и жизнь сама на сон похожа.
Нам кажется, что мы защищены,

что в мире нет прочней материала,
что утром мы проснемся, как всегда.
Закутаемся на ночь в одеяло
и вроде ничего... Не страшно, да...

Так спи спокойно, незабвенный друг,
в роскошном люксе, в дворницкой каморке —
спи, но memento mori – можно вдруг
зажмуриться и очутиться в морге.

Вот место, где не ночевал Творец!
Нет, правит бал не адский сатана там —
Сатурна Сектора суровый жрец
с ножом в руке – патологоанатом

пришел и хладнокровно обнажил
кишок замысловатые извивы,
волокна мышц и разветвления жил.
А нам казалось, мы неуязвимы...

Он это заблуждение опроверг,
чудесный храм, великий дар господень
безжалостно вскрывая, как конверт,
который больше ни на что не годен.

И наклоняясь к мертвому письму,
строку он произносит за строкою.
Ну что ж, теперь он понял, почему
не бьется сердце под его рукою.

«Что делать? Майский вечер тих и светел...»

А кто гулял-погуливал в лесах моей души?

Нора Яворская

Что делать? Майский вечер тих и светел,
вот-вот завьет руладу соловей,
но лес моей души терзает ветер,
срывая листья мертвые с ветвей.

Кто виноват? Сама я, чадо мая,
сметаю чувств сухие лепестки.
Мне не хватает чуткого вниманья,
прикосновенья дружеской руки.

Настойчивый приятель ищет встречи.
В отчаянье все средства хороши —
а вдруг в ответ ручью учтивой речи
выиграет ключ в лесу моей души?

И вот уже лежит его рука
поверх моей, и чувства с поводка
сорвутся скоро, как собачья свора,

но обостренный слух уловит фальшь,
едва начнет давить словесный фарш
тугая мясорубка разговора.

Одноклассники

Ну вас, други, в канаву, поросшую сорной травой
сонной памяти детства... Соратники, спите спокойно.
Вы мне больше не снитесь, и ладно. С больной головой
мне давно не до дум, а бывшее тем паче – на кой мне?

Будьте вы трижды счастливы, ныне и присно, пока
терпит почва, пока на бескрайних небесных экранах
можно видеть, как прямо в эфире бредут облака,
из пушистых ягнят превращаясь в овец и баранов.

«Если в бокале твоём вина...»

Если в бокале твоём вина
только на полплотка,
цель, что, казалось, едва видна,
стала совсем близка,

если с утра встаешь, как на бой,
куришь назло врагу,
он же куражится над тобой,
сплевывая лузгу

планов потешных, пустых надежд —
Значит, все было зря?
Так и замрешь, не смыкая вежд,
выспренно говоря.

Время – бесшумный полет совы,
век – неприметный миг.
Не потревожив ночной травы,
мышкой-полевкой – шмыг.

Изредка даже последний лох,
как ни смурна нужда,
думает:
– Мир не так уж и плох.
Плох, но не так уж... Да —

главное, вся эта суета —
на острие пера.
Наискосок начерти: «Пора»,
И – поворот винта!

«Оттого что нельзя о любви говорить в суете...»

Оттого что нельзя о любви говорить в суете,
я годами молчала. Слова мои падают тяжело.
В небо пальцем попасть, если время и место не те —
продырявить эфир и остаться с кровавой культяшкой.

Оттого что нельзя в суете говорить о любви,
сочиняю пейзаж, где скупы и суровы красоты,
и, целуя в потемках поблекшие губы твои,
до утра запечатаю их, словно хрупкие соты.

Надежда

Как сухую траву, огонь пожирает тело.
Лишь надежда жива, она же умрет последней.
Падает в грязь ничком, зажимая руками рану,
корчится в муках, за ней тянется красный полоз —
кровь, покидая тело, уходит в землю.
Плоть оплывает свечой, обнажая остов.
Травы, пронзая пустоты, тянутся к небу.
Это твой цвет, надежда, твой рай зеленый.

«Расстреляешь обойму – и станет светло и легко!..»

Расстреляешь обойму – и станет светло и легко!
Ничего, что дрожал с бодуна и попал в молоко.
Расстреляешь обойму – и сразу светло и легко.

Снова можно свободно дышать и гулять не спеша.
Жизнь свежа и нежна, как ромашка в стволе «калаша».
Можно ровно дышать и по парку бродить не спеша...

Можно снова с печальной улыбкой глядеть на людей,
и не важно, что ты прирожденный не-до-любодей.
Можно с мудрой и доброй улыбкой смотреть на людей...

А всего-то: бэнг-бэнг – и врагам окаянным назло
увеличишь собой миротворцев блаженных число.
Расстреляешь обойму, и станет светло и светло.

N. N.

Суровый ментор, незванный лидер,
со школьной парты заклятый друг...
Пока он ног о тебя не вытер,
не привыкай кормить его с рук.

Ему сопутствуют визг и скрежет —
не жми, кондуктор, на тормоза...
он, как свинью, правду-матку режет,
а правда колет ему глаза.

Враги, как мухи, кругом роятся,
кишат, как черви, куда ни глянь,
и кто-то держит его за яйца,
сжимая нежно стальную длань.

Я с ним и в поле одном не сяду,
а он звонит и зовет на чай.
Ну что сказать ему?
– Выпей яду!
Приду на похороны. Прощай.

* * *

«Ненависть разгорается жарче пламени...»

Ненависть разгорается жарче пламени.
Сердце упрямо выстукивает «люблю»
и отправляет зашифрованное послание,
по кровотоку стремящееся к нулю,

в ушко иглы, куда и верблюд протиснется,
а мне не втащить свой невесомый крест.
И поделом – нечего было противиться
заповеди, торчащей, как Эверест.

Ненависть к ближнему – это любовь навыворот,
общей картины пульсирующий мазок;
взять бы себя саму и публично выпороть,
плача и умоляя:
– Еще разок!

«Такой закат, что хоть ори: „Горим!“...»

Такой закат, что хоть ори: «Горим!»
Невольно мы свернули на дорогу,
ведущую не к дому и не в Рим,
а на пожар, пылающий без проку.

Обыденность – гори она огнем!
Мой выход от заката до рассвета.
Пожар, пожар! И я сгораю в нем,
не замечая ледяного ветра.

И мячики кровавые в глазах...
А спутник мой, в карманах руки грея,
советует спустить на тормозах
восторг и возвращаться поскорее.

II

«Вдохнешь – и запахнет паленым...»

Вдохнешь – и запахнет паленым,
хоть нет ни костра, ни дымка.

Скамья под оранжевым кленом
как будто вспотела слегка.

Темнеет, и в сумраке пряном
октябрь – пожилой ловелас
лимоном, гранатом, бананом
морочит и радует глаз.

«О, зимний парк! Сугробы, кони, люди...»

О, зимний парк! Сугробы, кони, люди,
вороны, утки, голуби, синицы...
Всё сущее стремится к совершенству
и говорит на разных языках.
Чужие дети пролетели мимо,
друг дружку обзывая не по-детски,
чужая тетка с пьяным вдохновеньем
приветствует знакомого бомжа.
Лиловый негр (чужее не бывает)
закутан в шарф, в енотовой ушанке,
хотя мороз всего-то минус восемь,
замерз как цуцик, а бомжу тепло.
Кругом такое множество сюжетов —
трагикомедий, драм и анекдотов!
Незримое стремится к воплощенью,
и никому нет дела до тебя.
Чужая жизнь тебя не замечает,
а ты спешишь своей судьбе навстречу
в резиновом костюме Спайдермена,
для маскарада взятом напрокат.

«Скоро пасха. Ну и холод!..»

Скоро пасха. Ну и холод!
Неизбежному покорен,
тополиный ствол расколот,
жизнь подрублена под корень.

И в отчаянье великом
лоб крещу рукой нетвердой —
что казалось светлым ликом,
обернулось волчьей мордой.

Волк? Повадка вроде сучья...
За окном пила, зверея,
с диким визгом гложет сучья —
валят старые деревья.

Сокрушенные набегом
сиротливые обрубки
медленно заносит снегом —
пепельным, стеклянным, хрупким.

«На Пасху солнце. Променад...»

На Пасху солнце. Променад
вдоль берега, неторопливо.
Холодный ветер веет над
блестящим трепетом залива.

Мы шуримся, дыша весной
и наблюдая безмятежно,
как тают в полосе прибрежной
остатки корки ледяной.

«Объявилась весна. Тонкой трелью прочистила горло...»

*Куда летишь, душа моя?
На Острова, на Острова!*

Екатерина Полянская

Объявилась весна. Тонкой трелью прочистила горло.
Брось дела, дорогой! Полетели на Острова,
в зеленеющий парк, где вчера еще – сирю и голо,
а сегодня разинула нежные клювы листва.

Все живое поет и ликует – Весна! Dolce Vita!
На доступной волне каждый ловит блаженную весть:
есть под солнышком место для особи всякого вида.
Небольшое – но есть.
Ненадолго, но все-таки есть!

In modest harmony with nature

Бесшумно парили стрекозы,
лениво гудели шмели,
тяжелые влажные розы
не знали, зачем расцвели.

И травы, сомлевшие в полдень,
и сонная ряска пруда
застыли в неведение полном —
откуда, зачем и куда.

В гармонии хрупкой с природой
философ удил карасей,
довольный уловом, погодой,
судьбой и вселенною всей.

«Милый, милый август! Хвойная настойка...»

Милый, милый август! Хвойная настойка,
озера лесного солнечный озноб...
Празднично настолько, радостно настолько,
что раздухарится самый нудный сноб.

Перепадала малость от большого лета —
корабельных сосен ржавая руда,
бормотанье леса, угасанье света,
желтые кувшинки, темная вода.

«И за окном, и в зеркале ноябрь...»

И за окном, и в зеркале ноябрь —
прилип к стеклу, недоброе суля мне.
Давнишней раны рваные края
бросать пора бы склеивать соплями.

Меня опять ноябривает он,
я знаю эту подлую ухмылку.
В глазах темно, в ушах унылый звон,
но я бреду на кухню и в бутылку

лью воду, и бамбуковый росток
на подоконник ставлю — знак, что явка
провалена, чтоб никакой браток
сюда не лез, голодный, как пиявка.

Небесной манны снежная крупа
просыплется и к вечеру растает,
но рана, как народная тропа,
не зарастает, нет, не зарастает...

III

Насквозь

«Лучший выход всегда насквозь»! —
он вскочил, процитировал Фроста
и решительно выпал в окно.
«Да... – подумал, кровавая сугроб, – это правда —

надежно и просто,
но мучительно больно, и стыдно, и в целом смешно».

Встал, шатаясь, куда-то побрел, на ходу выбирая осколки...
А она, помаячив красиво в разбитом окне,
полетела, нелепо взмахнув рукавами из алого шелка,
и, рыдая, упала, как роза, на утренний снег.

Возвращались в обнимку продрогшие, мир и любовь источая.
Дверь открыла старуха-соседка и, тихо шипя, уползла.
Наложили друг другу повязки, попили горячего чая,
и мужчина пошел на работу. А женщина снова легла.

Леда и лебедь

Леда-спартанка, супруга царя Тиндарея,
томно разделась у речки, сомлев на жаре и,
нежно алея сосками,
бедами влажно сверкая,
в быструю воду вошла, вся медленная такая.

Что это там, в камышах, так тревожно белеет?
Лебедь плывет! Ослепительный царственный лебедь!

С каждым мгновением ближе,
с каждой секундой смелее:
щиплет, как девку, жемчужных грудей не жалея,
властным толчком раздвигает тугие колени!

Вот олимпийский напор! Налетает, как кочет,
пыжится, топчет – никак, познакомится хочет...

Это тебе не чахоточный номер балетный!
Бог снизошел —
поняла изумленная Леда.

Нет бы шепнуть горячо:
– Ты робеешь, я знаю!
Леда, отдайся! Озолочу, как Данаю...
Сахарно-белым бычком подманил он Европу...
Да хоть вонючим хорьком – откажись-ка попробуй!

Нет бы лелеять-ласкать-колыхать-колыбелить,
нежить. как в люльке, меж крыл,
чтоб от ласки слабея,
Леда раскрылась, как белая лилия в полдень,
свой исторический долг не стесняясь исполнить.

**«Здесь нет зеркал, в их пустоте,
проплыв, не отразится время...»**

...Здесь нет зеркал, в их пустоте, проплыв, не отразится время,
часов необратимый ход не потревожит тишину,
и каждый вновь рожденный вздох втрое утяжеляет бремя
безмерной нежности, влекущей нас ко дну.

Пока мы дышим, мы плывем в сверкающих волнах потока,
без памяти о зеркалах, весах, секундах, потому
что жизнь мучительно нежна и ослепительно жестока
до сокровенной глубины, где ждет Герасима Муму.

ИВА

Печальная классическая ива!
На берегу ночной реки,
с фонариком в руке,
плакучая клонилась терпеливо
к той ветреной, что пряталась в реке.

Уже почти целуя отраженье,
сама себе она была
Изольда и Тристан...
Увы! Чрезмерным было напряженье,
и подломился наклоненный стан.

Взглянула поутру, и сердце сжалось:
лежит она лицом в воде,
касясь пальчиками дна...
я к павшим деревьям питаю жалость.
Но равнодушна к участи бревна.

«Все хороши – и овны, и козлища...»

Все хороши – и овны, и козлища...
С отечеством мучителен роман.
Люблю ли я гробы и пепелища

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.